

Хо Янь хмыкнул:

— Не твоя забота. Разберутся без нас.

Гу Тин продолжал показывать назад.

Лицо Хо Яня стало ещё мрачнее:

— И малыш не потеряется!

Гу Тин оглянулся. Действительно, Фань Дачуань уже вёл людей туда... Когда князь — Страж Севера путешествует, разве может обходиться без свиты? Прислушавшись, он уловил мяуканье рысёнка — тот что-то «говорил» У Фэну. Всё было в порядке, и он успокоился, позволив Хо Яню вести себя.

Он был человеком понятливым: сбежать тайком — это одно, но если тебя уже поймали, сопротивляться не стоит — ещё разозлишь, побьёт. Боевых искусств он не знал, в отличие от этого Хо, у которого кожа, видать, толстая.

Хо Янь прищурился:

— Где твоя повозка?

Гу Тин указал направление.

Втащив его в экипаж, Хо Янь налил чашку горячего чая и поднёс к губам Гу Тиня.

Тому было неловко, но в такой момент сердить князя — Стража Севера он не смел, поэтому покорно отпил из его рук.

Чашка горячего чая вернула дыхание в норму, горло перестало першить, и весь дискомфорт ушёл.

Но Хо Янь был явно недоволен. Взгляд его скользнул по окну, затянутому лишь тонкой тканью:

— Почему не поставил решётчатые ставни? — Затем он уставился на тонкое одеяло в повозке:

— И это всё? У Фэн что, деньги присвоил? Не мог добротную повозку купить?

— А этот стол? С первого взгляда видно — хлипкий. Чай — прошлогодний, да и вода едва тёплая.

Он постучал костяшками пальцев по столешнице, брови грозно сдвинуты. В его глазах эта повозка не выдерживала никакой критики. Ко всему перечисленному добавилось: жаровня грела плохо, грелка для рук выглядела убого, даже миска для рысёнка была слишком простой — ни на что не похоже!

Закончив придирааться, он с тёмным лицом подвёл итог:

— Ты ушёл от меня, чтобы в лишениях жить? А?

Гу Тин: ...

И как на это отвечать?

Кто добровольно станет терпеть неудобства, если можно жить в комфорте? Но ведь это дорого, тут не всё предусмотреть. Обоснуется на новом месте — тогда и устроится как следует. Да и потом, с кем можно сравниться в роскоши с княжеским домом Стража Севера?

По твоим-то меркам у всех жизнь покажется убогой.

— Мяу-а-а-а!

Рысёнок, наконец дождавшись своего «транспорта», протиснулся сквозь полог повозки и уселся рядом с Гу Тинем. Круглая мордочка его выражала крайнюю серьёзность, взгляд был устремлён на Хо Яня.

Хо Янь придрался и к малышу:

— А ты что? Обычно такой бойцовый, а как хозяина обидели — даже пискнуть не смог? А?

Гу Тин тут же прижал рысёнка к груди:

— Не смей на него кричать!

На него — пожалуйста, но малыш-то чем провинился? Он же просто маленький, беззащитный и невинный котёнок!

Хо Янь бросил на него острый взгляд.

Гу Тин: ...

Не знал он, почему, но вдруг почувствовал себя виноватым. Вроде бы путь был весёлым, он наслаждался свободой, заботился о себе неплохо... Почему же с появлением Хо Яня всё вдруг стало казаться неправильным?

Хо Янь сжал переносицу. Высказав все претензии, от внутреннего убранства до экстерьера, он всё ещё не мог успокоиться:

— «Любимец»... «Содержанка»... Я даже в мыслях не позволяю себе так о тебе говорить, это непозволительно. А ты... ты запросто это высказал...

Лицо его было мрачным, слова — жёсткими, и звучали сквозь стиснутые зубы. Но в этот момент, в этой тесной повозке, в них вдруг проступила какая-то растерянная, почти беспомощная нотка.

Гу Тин замер. Вроде как это он претерпевал неудобства, так почему же кажется, что Хо Янь обижен больше?

Ветер зашелестел в ветвях за окном, атмосфера сгустилась. И тут Гу Тин вдруг, с опозданием, осенило:

— Ты... когда говорил, что это «неуважительно»... ты имел в виду ко мне?

— А к кому ещё? — нахмурился Хо Янь. — Ну-ка, скажи.

Спустя мгновение Хо Янь вдруг прищурился, и в голове его созрел внезапный, почти глупый вопрос:

— Неужели ты думал... что я говорил о себе?

Гу Тин: ...

Хо Янь: .....

Гу Тин опустил голову и смущённо потер нос.

У Хо Яня на виске задергалась жила. Он был готов взорваться!

— Как ты смел так меня понять!

Если бы не теснота в повозке, не хлипкость всей этой обстановки и не то, что его сокровище сидело рядом, он бы уже разнёс всё в щепки!

Гу Тин тербил свои пальцы:

— Но ты тогда не объяснил...

Хо Янь стиснул зубы:

— Такие вещи требуют объяснений? Куда ты смотрел?

Гу Тин съёжился:

— Виноват. Прости.

Рысёнок, почуяв неладное, прижался к Гу Тиню, уселся рядышком и, глядя на Хо Яня, жалобно мяукнул:

— Мяу?

Большой и маленький — оба сидели в одинаково виноватых позах.

Зато признавать ошибки умели быстро!

Хо Янь, будучи прозорливым, мгновенно понял, что корень всех бед — в этих самых словах: «неуважительно»! Гу Тин всё это время неправильно понимал его, считал, что тот стыдится их близости, отвергал саму суть их отношений, отрицал всё, что было между ними, — вот почему и решил уйти, затаив обиду!

Он... он нёс на себе тяжкое бремя несправедливого обвинения! Если бы сегодня всё не прояснилось, кто знает, до чего бы это довело!

— Э-э-э... — Гу Тин осторожно взглянул на Хо Яня. — Почему ты приехал?

Рысёнок склонил набок пушистую головку:

— Мяу?

Хо Янь: ...

Он был на грани, но, глядя на эти две виноватые мордочки, не мог продолжать сердиться, только холодно хмыкнул.

Гу Тин забеспокоился, украдкой озираясь по сторонам:

— Князь без императорского указа не может покидать свои владения. Если тебя увидят... будет нехорошо. Может, тебе стоит поскорее вернуться?

Хо Янь усмехнулся:

— А ты? Вернёшься со мной?

Гу Тин: ...

Ответа не последовало. Хо Янь снова рассердился:

— Ты всё ещё хочешь сбежать?

Гу Тин почувствовал усталость. Собравшись с духом, он снова извинился:

— Неправильно понял тебя — моя вина. Но сейчас это не главное. Если ты будешь разъезжать вот так, на виду, и тебя обнаружат...

Малыш мог быть жестоким, но Хо Янь — нет. Он закрыл глаза:

— Император вызвал меня в столицу.

— В столицу? — Гу Тин вздрогнул. Даже не задумываясь глубоко, он понял, что дело пахнет жареным. — Он хочет расправиться с тобой?

Отношения между княжеским домом Стража Севера и двором всегда были натянутыми. Князь — Страж Севера в народных сказаниях и вовсе стал «хребтом Дася». Как же императору не беспокоиться? Заслуги, затмевающие государя, — даже если не сокрушить, то хотя бы осадить must, дать понять, чьё это небо и чей трон.

Мозг Гу Тина работал на пределе:

— Только тебя одного вызвал? Больше никаких условий?

Малыш всё ещё о нём заботился. Даже говоря о побеге, он в первую очередь думал о его безопасности.

Хо Янь пристально смотрел на Гу Тиня, и в его глазах уже невозможно было скрыть тоску:

— Вызвал меня с семьёй. Чтобы вместе полюбоваться фонарями на Праздник фонарей.

Увы, Гу Тин этого не заметил. Он шлёпнул ладонью по столу:

— Ещё и с семьёй? Какие фонари?! Это же заложников берут!

Ни в коем случае!

Он прищурился и уставился на Хо Яня:

— Только не говори, что ты взял с собой вдовствующую великую княгиню или Хо Юэ с Хо Цзе.

Выражение его лица стало грозным. Рысёнок, подражая хозяину, тоже насупился и издал низкое, полное угрозы ворчание:

— Мрр-а-а-а-у!

Хо Янь приструнил разъярённого котёнка:

— Нет. Я никого не взял.

Гу Тин был удовлетворён, но тут же вздохнул:

— Тогда тебя непременно обвинят в неуважении к императору. Дело серьёзное. Как ты собираешься объяснять отсутствие семьи? Император не дурак, он догадается...

— Обвинят — так обвинят. В крайнем случае, пытать будут. До смерти не замучают, максимум — калекой сделают. И то не страшно. Всё равно я ещё не женат, ни жены, ни детей у меня нет...

Хо Янь был умен. Произнося эти слова с показным безразличием, он сделал особый акцент на словах «не женат» и «нет жены».

Гу Тин уловил это почти мгновенно.

Ведь родня — это семья. Но и жена — тоже семья. Хо Янь ещё не женат, но разве не он, Гу Тин, с ним? У него же была нефритовая подвеска старого князя! Да и весь Цзююань верил, что он — «сокровище сердца» князя!

Мысли Гу Тина метались, оценивая все «за» и «против». Идея показалась ему блестящей. Он с решительным видом хлопнул себя по груди:

— Я поеду с тобой!

В глазах Хо Яня вспыхнул яркий свет:

— Правда?

Гу Тин тоже был не дурак и тут же смекнул:

— Ты догнал меня... нарочно? Ты тоже это задумал?

Хо Янь не стал объяснять. Он лишь смотрел на него и тихо спросил:

— Ты pomoжешь мне?

Уши Гу Тина запылали.

Он не боялся прямого противостояния, не боялся ссор, интриг, не боялся даже смерти. Но это...

Хо Янь просил его о помощи. Как он мог отказать?

Хо Янь не отрывал взгляда от Гу Тиня, следя за малейшими изменениями в его выражении лица, и тут же добавил:

— В последний раз. Поможешь мне в этом — и после... куда захочешь идти, пойдёшь. Не буду удерживать.

Гу Тин замер:

— Правда?

<http://bllate.org/book/16279/1466474>